

Часть 1

Шумел вентилятор, тикали часы и скрипели по бумаге карандаши. Ученики молча всматривались в экзаменационные листы. В лекционном зале сидело чуть больше семидесяти людей, однако только десятая часть из них хоть что-то писала.

«И всё-таки это слишком сложно для первогодок...»

Осмотрев аудиторию из-за кафедры, Энн скрестила руки на груди.

При поступлении в академию Третья каждый ученик выбирал себе цвет, в котором он будет специализироваться. Все те, кто сидели сейчас в комнате, решили изучать Argus [Белый]. Хотя они только недавно поступили в старшую школу, но уже должны были бы иметь базовые знания по своему цвету. Поэтому Энн приготовила задание: «Перечислить малых духов, призываемых белыми благородными ариями, а затем сравнить их с малыми духами других цветов; описать сходства и различия». Хотя задание и не было чем-то сверхординарным, ученикам, похоже, было довольно непросто провести сравнение. Они могли описать малых духов белого цвета, например пегаса, но лишь немногие помнили особенности блуждающего огонька, относящегося к Жёлтому.

«Ничего не поделаешь, они ведь только первогодки...»

Услышав звон, который оповещал о конце утренних занятий, Энн тихо вздохнула.

— Прошу прощения, с моей стороны было неразумно просить вас написать об особенностях других цветов. Сконцентрируйтесь только на Белом, этого будет вполне достаточно. Те, кто уже закончил, могут сдавать свои работы и отправляться на обед.

В соответствии с её ожиданиями, напряжённость стала понемногу отступать с лиц учеников.

— И правда, это было весьма неразумно со стороны учительницы.

— Если бы сразу требовалось только это, я бы уже давно закончил.

Вот так вот перешептываясь друг с другом, ученики сдавали заполненные листы. Когда очередь перед учительским столом рассосалась, на нём скопилась целая гора бумаг. В мгновение ока из зала исчезли все школьники.

«Похоже, все сдали».

Приведя в порядок бесформенную стопку листов, Энн ещё раз осмотрела аудиторию.

— О?

В углу класса, на самом последнем ряду тихо сидела ещё одна ученица.

— Что-то не так? Тебе не нужно перенапрягаться.

— Но я не могу написать про ещё один цвет. Об остальных четырёх кое-что уже есть, — пробормотала она, вглядываясь в листок.

— Но ведь достаточно только Белого. 'Замечательно уже то, что ты смогла хоть что-то написать о других цветах.

— Ну... в этом-то и проблема.

Ученица наконец подняла голову.

— Я написала обо всех цветах кроме Белого. Но вот о нём ничего существенного вспомнить не могу.

«Ада Юнг. «Написала обо всех цветах кроме Белого». Что она имеет в виду?»

— Дай-ка взглянуть.

Энн взяла лежавший на столе листок и вчиталась в его содержимое.

«Что это такое?..»

Блуждающий огонёк имеет вид парящей жёлтой сферы. Не может говорить, но способен понимать простые команды. По статистике, диаметр 95% блуждающих огоньков составляет от 70 до 100 сантиметров. Самый большой официально зарегистрированный огонёк имел диаметр 113 сантиметров. Огоньки парят над землёй на высоте 60-80 сантиметров. Скорость перемещения невелика — 3 километра в час. Время существования зависит от способностей призвавшего, но в среднем составляет 5 часов. При использовании способностей время существования сокращается.

Перед атакой излучает слабое свечение. Этому следует уделять внимание. Поражает противников электрическим током с помощью бледных щупалец, находящихся под высоким

напряжением. Скорость отращивания щупалец в десять раз больше скорости движения. Длина щупалец обычно такая же, как диаметр тела, но наибольшая зарегистрированная составляет 167 сантиметров. Максимальное количество щупалец — три. Диаметр щупалец меньше миллиметра. Огонёк способен атаковать как вертикально вверх, так и горизонтально, но не может отращивать щупальца под себя.

Дополнительных особенностей не имеет.

Сложность уничтожения: низкая.

В нём не было ни слова о нужных певчому вещах: ни о катализаторе, ни об оратории. И наоборот, биологические особенности существа были описаны очень подробно. Точнее всего было бы сказать, что написанная информация необходима не для призыва существа, а для противостояния ему.

— Сложность уничтожения... низкая?

— Ах!

Лицо девушки скривилось

— Я всё-таки это написала? Старая привычка...

— Всё в порядке. Ничего плохого в этом нет.

Энн проглядела содержимое листа. Там были описаны особенности призванных существ четырёх цветов. Все эти описания были крайне подробными, однако в них не были упомянуты ни катализаторы, ни оратории — только биологические данные.

«Может быть, ей не хватило времени написать о Белом? Нет, дело не в этом. Она действительно ничего не может о нём написать».

Ада Юнг Гилшувешер. Только ещё раз вчитавшись в написанное на листке имя, Энн наконец поняла причины случившегося.

«Саламандры, Эриалы[□]Установить, кто это такие не удалось. Иероглифами название существ записано как "малый зелёный дух"...»

— Всё здесь написанное, об агрессивных призванных существах?

Девушка не ответила. Но тишина лучше всяких слов подтверждала догадку Энн.

«Правильно. И пегасы, и единороги, относящиеся к белым благородным ариям, довольно мирные существа. И поэтому она их не изучала. Все её познания о призванных существах необходимы только лишь для победы над ними».

— Мне же обязательно писать о Белом? — напряжённым голосом спросила ученица, потирая щёку.

— Да. Но учитывая, как много ты уже сделала, просто добавь: «По сравнению с вышеописанным, особенностью белых песнопений является то, что среди призываемых ими существ мало агрессивных» — и можешь сдавать.

— Ах вот оно что! Значит, можно было сделать и так!

Энергично кивнув, девушка вцепилась в экзаменационный листок.

«Что?.. Она даже моргать перестала».

Неожиданно для себя Энн заметила, что эта быстро пишущая девушка способна очень хорошо концентрироваться. Ада показалась ей не слишком целеустремлённой ученицей, обычно очень рассеянной во время уроков.

— Учитель, я закончила! Ура, наконец-то закончила! — весело воскликнула Ада и принялась убирать вещи со стола.

Когда девушка уже закинула свою сумку на плечо, Энн обратилась к ней:

— Послушай, Ада.

— А?

— Пусть это и личный вопрос, но ты ведь дочь того самого Клауса?

— Ну... да. Этот известный человек вроде как мой отец.

Клаус Юнг Гилшувешер был главой аристократической семьи Юнг и возглавлял несколько сотен гилшэ.

Гилшэ в каком-то смысле были очень близки к певчим, и в то же время полной противоположностью им.

Nussis, или же обратная песня, — это техника изгнания призванного существа. Чтобы воспользоваться ей, надо с катализатором в руке коснуться призванного существа. Именно с её помощью Ксинс спас Энн во время состязания, пожертвовав своей левой рукой. Её использование всегда было сопряжено с опасностью.

— У тебя тоже есть гил?

Девушка ни секунды не сомневаясь кивнула:

— Конечно. Он есть у каждого родившегося в семье гилшэ.

Пользоваться обратной песней касаясь противника голыми руками было слишком опасно, поэтому была разработана техника, позволявшая изгонять призванных существ с помощью копья.

В наконечник копья вставлялись драгоценные камни пяти цветов, чтобы проткнув им призванное существо можно было воспользоваться обратной песней. Такое специальным образом обработанное копьё называлось «гил», а людей специализирующихся в этой технике «гилшэ».

— Учитывая, что ты родилась в семье Юнг, не думала пойти по пути гилшэ?

— Кто знает... — уклончиво ответила девушка.

Судя по выражению её лица, она не слишком задумывалась об этом вопросе.

В настоящее время помимо главной ветви гилшэ Юнг существовало ещё несколько побочных семей. По традиции дети в этих семьях поколение за поколением становились гилшэ. Среди них семья Юнг всегда была первопроходцем, поэтому для её членов стало традицией исполнять роль охраны для важных персон. К настоящему моменту они прочно закрепили за собой положение аристократической семьи воинов.

Если бы Ада Юнг того пожелала, то могла бы занять важное место наследницы Клауса.

«Нет никаких сомнений в том, что она прошла подготовку гилшэ».

Результаты пробного экзамена только подтверждали это предположение. Знания девушки не были почерпнуты из книг. Она узнала всё на собственном опыте, и они находились у неё не в голове, а были буквально вбиты в тело.

— Но как мне кажется... у меня нет таланта к этому делу.

— Таланта?

— Ага. Я слишком часто сбегала что с тренировок, что с занятий, — самоуничижительно улыбнулась Ада, сцепив руки за головой.

— Но...

Энн не успела завершить фразу.

— А кстати, можно мне кое-что спросить?

«Что такое?» — Энн подбодрила девушку взглядом.

— Вы же учитель старших классов. Почему Вы приехали с нами в летнюю школу?

— Один из учителей, ответственных за первые классы, заболел, и меня в последний момент направили вместо него.

В какой-то степени Энн ожидала, что это будет один из первых вопросов, который будут задавать ей ученики. Поэтому она мгновенно ответила заранее заготовленной фразой. Она думала, этого будет достаточно.

— Это ложь.

Взгляд девушки внезапно стал острым.

— Что?

— Если бы это было так, то у господина Зесселя не было бы ни одной причины ехать вместе с нами. Вы говорите, вас направили в последний момент, но с этим трудно согласится. Кроме того, да, действительно, один из учителей первых классов не поехал в этом году в летнюю школу, но он радостно говорил о том, что собирается отправиться в путешествие. А значит, вряд ли причиной его отсутствия стала болезнь.

Энн было нечем ответить на такое подробное возражение. Когда они с Зесселем готовились к поездке, она предположила вероятность подобного, но всё же не ожидала, что появится ученик, настолько глубоко ухвативший суть. В глубине души Энн поняла, что недооценила их.

«Но вопросы начала задавать именно эта девушка!»

Обычно кого бы ни спросили об Аде, в ответ бы слышали лишь, что она часто опаздывающий

проблемный ребёнок с посредственными результатами в учёбе. Кто бы мог подумать, что она уделяет внимание даже малейшим деталям. Даже от её классной руководительницы Кейт Энн никогда не слышала ни о чём подобном.

«Что же делать?.. По-быстрому придумать ещё одну ложь? Или просто сказать что-то двусмысленное?»

— Ну...

Но как только она начала говорить прозвенел звонок, оповестивший всех о конце утренних занятий.

— О, наконец-то обед!

Напряжённая атмосфера мгновенно исчезла. Ада повернулась к Энн спиной и, не сказав ни слова, побежала к выходу из комнаты, как если бы ничего не случилось.

— Э-эй, Ада, стой!

— Извините! После обеда мы всем классом собираемся пойти на пляж!

Невинно улыбнувшись, девушка в мгновение ока исчезла из класса.

— П-постой!

Но в тот же момент, когда Энн попыталась догнать Аду...

Мир за окном полыхнул алым пламенем.

— Э?..

И хотя из окна лекционного зала на втором этаже школьный двор был виден не полностью, перед глазами Энн бушевало странное пламя. От его цвета бросало в дрожь. Оно было больше чем просто красным, оно было алым. Этот цвет напоминал скорее не огонь, а человеческую кровь.

«Что вообще происходит?!»

Алому пламени не было конца. Казалось, что пылали даже небеса. Из-за яркого сияния Энн не могла открыть глаза. Неподалёку от школьного двора располагалась площадка, где примерно в это же время Зессель собирался провести занятие по практическому применению песнопений.

«Это что, работа Зесселя? Нет, вряд ли он смог бы призвать такое чудовищное пламя, даже если бы старался изо всех сил. И к тому же, у него нет причин устраивать такое во время занятий».

Энн пристально вглядывалась в слепящий глаза огонь. И вдруг, совершенно неожиданно сияние исчезло.

— Огонь... пропал?

Из-за внезапных событий, случившихся одно за другим, Энн даже забыла дышать.

К внешнему миру уже возвращалось его обычное спокойствие. Попадавшие в класс искры исчезли прямо на глазах у Энн.

Она быстро подбежала к окну. На площадке не было видно ни одного человека.

«Ни учеников, ни Зесселя нет. То есть, занятие уже закончилось. А значит, это точно было не песнопение Зесселя. Чьё же тогда?..»

— Энн, ты тут?

В дверь класса громко постучали.

— Зессель!

Дверь с громким звуком открылась, и в комнату вошёл необычно хорошо одетый коллега Энн.

— Зессель, ты видел этот огонь на площадке?

— Конечно, его невозможно было не заметить.

Зессель кивнул, ответив Энн весёлым и беззаботным голосом. А значит, произошедшее его не встревожило.

— То есть ты знаешь, кто призвал пламя?

— Да, на моем занятии была ученица с необычным цветом волос, и я заинтересовался. Когда занятие кончилось, и все остальные вернулись в здание, она так и осталась на площадке. Затем, когда я случайно наблюдал за ней издалека, это и случилось...

«Быть не может. Это пламя призвала ученица? Ещё первогодка?»

— Это ученица, кто она?

Хотя сама Энн преподавала в старших классах, она следила и за выдающимися учениками из младших. Даже среди первоклассников было несколько человек, уже обративших на себя внимание.

Однако...

— Вряд ли её имя тебе хоть что-то скажет.

Словно раздумывая над чем-то, Зессель медленно поднял глаза к потолку.

— Почему ты так в этом уверен?

— Она не из тех, кого мы отметили для себя... — пробормотал он и пожал плечами. — Энн, ты помнишь ту ученицу, которая на состязании призвала огромное количество красных перьев.

«Красных перьев?»

Песнопение перьев не было особенно сложным. На состязании была ученица, которая призвала множество птиц, а не перьев, и тем самым привлекла к себе внимание. Энн запомнила лицо ученицы с птицами, но вот о призвавшей перья...

— Вот так сразу никто на ум не приходит.

— Даже не пытайся. Я тоже вспомнил совсем недавно.

«Во время состязания она ничем не отличалась от других учеников. А ко времени летней школы уже выросла настолько, что привлекла внимание Зесселя?»

— Короче говоря: не знаю, через что она прошла со времени состязания, но если она продолжит изучать песнопения с такой скоростью... — от радости голос Зесселя стал звонче. — В следующем году она явно превзойдёт всех учеников старших классов и станет первой в Красном. Нет, скорее всего, уже к концу этого года, а не в следующем. В любом случае, меня это немножко пугает. Эта девушка словно неограниченный алмаз.

— Такой шанс для учителя...

— Если всё пойдёт хорошо, да... Но всё же я немного беспокоюсь, — Зессель говорил

необычным для себя тихим голосом. — Обычно, когда у учеников хорошо получаются песнопения, они с радостью мне об этом рассказывают. Но эта девушка не стала. Наверно, её состояние можно назвать рассеянностью. А ещё у неё было такое лицо, словно чего-то сильно испугалась. Она ни за что не заговорила бы со мной сама.

Песнопения по своей сути — техника призыва желаемой вещи. И поэтому, разумеется, не бывало случаев, чтобы человек удивлялся призванному им объекту. А уж пугаться было бы ещё страннее.

— Ну, возможно, это всего лишь мои беспочвенные опасения. По крайней мере, надеюсь, что это так.

Энн знала, что огня уже нет, но всё-таки ещё раз оглядела площадку. В любом случае, сейчас она ничего не могла сделать для этой девушки.

— Спасибо, теперь-то мне всё стало понятно. А то я уже было решила, что это ученики подбили тебя на такое...

— Ах вот оно что...

Зессель с надувшимся лицом отвернулся.

«Ох, как по-детски!»

Посмеявшись над его поведением, Энн последовала за ним по коридору.

— Ладно, пойдём уже! Если не поспешим, то не успеем вернуться к вечеру.

Они направлялись в филиал исследовательского института, где была произведена очистка «яиц».

Часть 2

— На этом, пожалуй, на сегодня закончим, — сказала Кейт и закрыла учебник.

— Хорошо. Большое вам спасибо.

— Уже время обедать, а я тебя задержала, извини.

— Нет-нет... Это всё потому, что раньше я уделял мало времени этому предмету, — замотал головой Нейт, складывая книги в рюкзак.

В академии Тремия действовала балльная система, поэтому помимо обязательных курсов каждый ученик мог свободно выбирать предметы, которыми хотел заниматься.

Только что закончившийся урок — история песнопений — был одним из обязательных. А ведь до поступления в академию Нейт вообще не изучал даже что-то похожее.

— Тяжело заниматься один на один с учителем? — слабо улыбнувшись, спросила Кейт, видимо, желая немного поразвлечься.

Одноклассники Нейта закончили проходить этот предмет ещё до летних каникул. Поэтому Нейту и пришлось заниматься им один на один с Кейт.

— Это и правда тяжело...

— Рада, что ты ответил честно, — довольно улыбнулась учительница. — И кстати, Радужному певчему тоже плохо давался этот предмет.

— Господину Ксинсу?

— Мне это по секрету рассказала завуч. Она ведь когда-то была учительницей Ксинса.

Нейт встретился с завучем Джессикой Левиндир, когда поступал в академию, но с тех пор они больше ни разу не разговаривали. Сейчас она была не учителем, а, скорее, секретарём директора.

— Господин Ксинс стал выделяться ещё когда был учеником?

— Его успеваемость в школе была весьма средней. Похоже, ему были просто не интересны уроки. В том числе и история. Как странно: человеку, который вошёл в историю, была совсем не интересна история.

«А кстати, мама тоже не учила меня истории песнопений. Совпадение или закономерность? Похоже, что в этом вопросе мама и Радужный певчий очень напоминали друг друга».

— Ладно, хватит бессмысленной болтовни. Пора идти на обед. Если ты не поспешишь в столовую, то места тебе не останется.

«Ой! А ведь Мио и Ключэль пригласили меня пообедать вместе!»

— Прощу прощения! Я побежал!

Схватив сумку, Нейт умчался вдаль по коридору.

На первом этаже, в зале неподалёку от главного холла, равномерно стояли кадки с пышно цветущими растениями. Для защиты от дождя здесь возвели простенькую крышу.

Там, прислонившись к одной из опор...

Ключэль пустым взглядом всматривалась в потолок. Девушка просто наслаждалась покоем: она даже не собиралась вытирать пот, что проступил у неё на лбу,.

Тишину разорвал голос её близкой подруги:

— О! Вот ты где, Клулу!

— ...Мио?

Мио быстро подбежала к Ключэль. Вместе с ней был и Нейт.

—Клулу, уже время обедать, а ты куда-то пропала, мы тебя обыскались.

— Что? Уже обед?

Ключэль потирая глаза отстранилась от опоры.

— Извините... Мои занятия закончились раньше, вот я немножко и расслабилась.

— Ну вот...

Надув щёки, Мио скрестила руки на груди.

— Мы с Мио ходили посмотреть, — столовая совсем переполнена. Не думаю, что там найдётся три свободных места.

— Ничего не поделаешь. Купим еду в столовой, а поедем на лавочке снаружи.

Мио и Нейт переглянулись и кивнули друг другу.

— Эй... Мио, мне неудобно просить, но не могла бы ты купить и мою порцию.

— Да, так даже лучше. Я одна сбегая в столовую и куплю сразу на всех.

«Нет, я не об этом...»

У Ключэль была другая причина в голове. Но она не хотела о ней говорить.

Проводив взглядом убежавшую в сторону столовой Мио, Нейт повернулся к ней.

— Ключэль... что случилось?

— О чём ты?

Мальчик с тёмно-фиолетовыми волосами выглядел очень взволнованным.

— Мне кажется, ты сегодня сама не своя...

Не выдержав пристального взгляда Нейта, Ключэль закрыла глаза.

«А ты порой бываешь по-настоящему чутким».

Она с самого начала чувствовала в нём что-то подобное. Мальчик определил её состояние не по цвету лица. Похоже, он просто был способен улавливать настроение окружающих.

— Я просто немного в замешательстве

Стараясь обмануть его, Ключэль выдавила из себя улыбку.

«И всё же... что мне ему сказать? Не могу подобрать подходящих слов. Поэтому...»

— Ты не боишься?

Клюэль честно и напрямую высказала свои мысли, ничем их не приукрашивая.

— Не боюсь чего?

— Песнопений.

Нейт изумлённо уставился на неё, видимо, не понимая смысла её слов.

«Как я и думала, мой вопрос очень странный».

— Ты же знаешь о том, что на площадке сегодня возникло огромное пламя?

— Да, я видел его! — восторженно воскликнул Нейт — Оно было невероятным! Даже госпожа Кейт удивилась.

— Нейт...

Этот огонь призвала я.

— Э?..

На несколько секунд настала тишина. Нейт даже забыл дышать.

— Не может быть... Но как... Его действительно призвала ты?

— Трудно поверить, да? И тем не менее, это правда.

«Ну конечно. Абсолютно естественно, что он не поверил мне сразу. Я сама не сразу поверила...».

— Во время состязания я совершенно неожиданно призвала Феникса [Божественную птицу рассвета[[]]]Поскольку расшифровка имени Феникса, записанного иероглифами, играет роль в сюжете, она теперь будет встречаться в тексте. Первый том также был ей дополнен]. С тех пор я чувствую себя как-то не так. Может быть, мои слова кажутся тебе странными, но...

Клюэль взяла паузу. Послышалось тихое эхо...

Уставившись себе в ладони девушка дрожащим голосом продолжила:

— Песнопения удаются мне уж слишком легко.

— Слишком легко? — словно маленький ребёнок повторил за девушкой Нейт.

— Извини. Может быть это звучит как хвастовство... Но я имела в виду немного не то. На самом деле я очень боюсь.

Сегодня во время практического занятия необходимое песнопение получилось у Клюэль удивительно легко. Даже без оратории на него ушло не больше пары секунд.

Нет, даже более того. Песнопения других учеников были для неё слишком детскими. И образы, и оратории — она видела насквозь все составные части их песнопений. Казалось, что в Красном цвете песнопений нет для неё ничего невозможного.

— «Разумеется, это глупость», — с такими мыслями я осталась на площадке после занятия и попыталась исполнить песнопение пламени... Катализатором была самая обычная краска, — проговорила опечаленная девушка.

В результате возникло то ужасное пламя. Огромное счастье, что поблизости никого больше не было. Если бы кто-то оказался рядом с ней, то одними ожогами не отделался бы.

— Это было очень страшно...

Клюэль обхватила своё тело руками. Ей не было холодно, она не дрожала. Но казалось, что жар и напряжение скопившиеся в сердце причиняют боль. Они не собирались утихать.

«Возможно, призыв истинного духа во время состязания был только побочным эффектом. Тогда я была в перевозбуждённом состоянии. Но сегодня-то нет...»

— Я не хотела этого! Я не собиралась призывать божественную птицу...

Клюэль казалось, что теперь она похожа на того полагавшегося на насилие старшеклассника, которого они с Нейтом встретили перед состязанием. Что она будет делать, если в какой-то момент переоценит себя, и песнопение сработает самопроизвольно?

«Даже если у меня не получится та пятицветная гидра, всегда есть шанс, что я призову нечто настолько же опасное».

Как только Ключэль представила себе это, она ощутила холод и головокружение.

— Вот поэтому я внезапно начала бояться песнопений.

Но ещё до того как звук её голоса окончательно утих...

— Но! — произнёс скромный мальчик необычным для себя громким голосом. — Я не думаю, что ты станешь такой же, как тот старшекласник, не думаю, что ты когда-нибудь исполнишь настолько страшное песнопение!

«Я рада, что ты это говоришь. Но это бессмысленно. Я...»

— Потому что я верю в тебя.

«Прощу тебя. Пожалуйста. Не смотри на меня таким взглядом!»

— Спасибо конечно, но... извини. Я сама не могу поверить в себя.

Ключэль невольно отвернулась. Потому что взгляд чистых глаз мальчика причинял ей боль.

— Ключэль.

Неожиданно тон его голоса изменился.

— Прощу тебя. Больше не говори ничего настолько печального, как «Я сама не могу поверить в себя».

Хоть до этого Ключэль и отвернулась от Нейта, на этих словах она, вопреки собственной воле, вновь повернулась к нему.

Её чувства напоминали вырывающийся из глубины фонтан.

Она смотрела прямо в его дрожащие чёрные глаза.

«Нейт?..»

— Ты не из тех, кто не может верить в себя. Именно потому, что ты так этого боишься.

Внезапно, без какого-либо предупреждения...

— Ч-что?

Он обхватил её ладонь своими руками.

— Э-эй... Нейт?

— Поэтому всё обязательно будет хорошо. Я никогда не буду бояться твоих песнопений. Пусть даже они станут страшными — я всегда буду рядом с тобой.

«Н-нет, я не об этом... Моя рука... Почему так внезапно...»

— Это символ удачи, — мальчик мягко улыбнулся ей. В уголках его глаз возникли крошечные капельки. — Во время состязания, ты сделала для меня тоже самое.

«Я сделала...»

«Всё хорошо. Я буду рядом с тобой. Давай призывать вместе».

Случившееся в тот день в точности до последнего слова повторилось у неё в голове.

— Я люблю твои песни, Ключэль. Они более нежные и красивые, чем у кого-либо ещё. Они очаровательные. Поэтому, пожалуйста, больше не говори, что не можешь поверить в себя.

Его слова мешались друг с другом, его речь нельзя было назвать гладкой. И всё же, он изо всех сил старался донести до неё свои чувства. И эти чувства достигли её.

«Вот значит как... Вот насколько ты в меня веришь».

Что-то кольнуло у неё в груди. Сначала это невыразимое словами чувство было болезненным, но постепенно оно стало нежным теплом.

«Я ведь всегда думала, что смогу что-то сделать для тебя... Но ошиблась. На самом деле это я заставила тебя волноваться».

— Постой, неужели ты забыла то, что случилось в тот день?

Нейт замолчал. В его взгляде чувствовалось одиночество.

— Дурачок. Конечно же, я не забыла.

Клюэль легонько ткнула кончиком пальца в лоб уставившегося на неё мальчика.

— Больно.

— Терпи. Ты же мужчина, в конце концов, — как будто поддразнивая, подмигнула ему Клюэль,

«Прости, что заставила поволноваться. И всё же, мне стало немножко легче. Я больше не скажу, что не могу поверить в себя».

— Кстати...

«Ты очень загадочный. Иногда кажешься проблемным младшим братом, иногда — часто выпадающим в депрессию другом. И хотя ты должен быть для меня просто одноклассником... Я чувствую, что ты очень важный для меня человек, и я не могу оставить тебя одного... Я и сама ещё не во всём разобралась».

— Мне интересно, как можно назвать наши с тобой отношения?

«А что ты думаешь по этому поводу?»

— Э? Что? Отношения? Ну... одноклассники? — абсолютно серьёзно ответил Нейт после напряжённых размышлений.

«Да, сейчас это именно так, но...»

— А не думаешь, что они теперь могут измениться?

— Измениться?

— Хе-хе, мне правда интересно...

— Эй! Пожалуйста, объясни мне!

Мальчик склонил голову на бок и надул щёки.

«Как же по-детски. Все-таки ты ещё слишком ненадёжен. Тебе ещё рано становится рыцарем-защитником принцессы».

— Я и сама пока не знаю. Ну и ладно. О! Мио возвращается. Ну и где будем обедать?

— Нечестно, Ключэль!

— Пошли уже! Надо побыстрее пообедать. Мы же всем классом после обеда идём на пляж.

Часть 3

С неба лились ослепительно яркие солнечные лучи. Песок под ногами был настолько белым, что казалось, будто пляж усеян мелко раздробленными кораллами. Неподалёку простиралось прозрачное лазурное море. Казалось, что волны, унося с собой повседневные тяготы.

Территория филиала академии Тремя была, в каком-то смысле, частным пляжем. Её без сомнений можно было назвать самым настоящим раем. Но насколько бы замечательным ни был пейзаж, мысли Омы и других парней занимало кое-что совершенно другое.

— Этот Нейт... А он довольно привлекательный, — завистливо произнёс сидящий в тенике парень в плавках, уставившись куда-то вдаль.

— Ага. Но хуже всего то, что сам он этого пока не осознаёт, — пробормотал Ома и легонько кивнул.

В правой руке он держал стакан с соком, в левой веер, а на голову нацепил солнечные очки.

Там куда они смотрели... Развлекались, играя в какую-то игру, десяток девушек в купальниках и смешавшийся с ними ребёнок.

— Эй, Нейти! Сюда! Лови!

— Э? А? Что?

Совсем юный мальчик в панике гонялся за постоянно уносимым ветром мячиком. Песчаная поверхность пляжа была непривычна для него, поэтому на ногах он держался неуверенно.

— А-а-а-а! — прокричал беспомощный мальчик.

Спустя мгновение мяч шлёпнулся на песок.

— Ха-ха-ха! Плохо, Малыш!

— Но он такой милый!

— Ага. Он такой милый, что я готова его простить. Так ведь даже веселее!

Радостных визгов при неудачах было даже больше, чем когда мальчик успешно ловил мяч. Играл он не очень-то и хорошо, но зато его ошибки были смешными. Девушки явно забавлялись просходящим.

— Это... Это и есть очарование тринадцатилетнего мальчика?

— Для парня лицо у него выглядит довольно женственным. А ещё он низкий и тощий. Девушкам он, скорее всего, кажется тем, с кем можно играть, а не дразнить.

Изначально парни даже и подумать не могли, чтобы воспринимать его как настоящего соперника. Но на деле у них появился сильнейший противник.

— А кстати... Куда ушли остальные?

Все мальчишки разбрелись по своим делам: несколько человек стояло у автомата с напитками, некоторые купались в море — но всё равно их количество было меньше изначального.

— Ну. Вот туда посмотри, — Ома кивком головы указал направление.

Там стояли две девушки: одна, светловолосая с детским лицом, напряженно всматривалась в игровой мяч, который держала в руках, а другая с алыми волосами, с немного удивлённым видом наблюдала за ней.

— Хм... Странно. Но ведь согласно подробной теории из книги по волейболу... При ударе сюда мяч должен был полететь. Ключэль, я не понимаю, почему у тебя всё получается лучше, чем у меня, хотя ты не читала книжек вообще...

— Мио. Это всё потому что ты слишком полагаешься на книги. Если не будешь тренироваться, то и получаться ничего не будет!

— Ах вот в чём дело... Да, наверное, ты права.

— А кстати, ты плавать-то тоже не умеешь?

— Ну да, но я сейчас же начну читать книгу по плаванию...

— Ты совсем не слушаешь, что тебе говорят....

— Что не так с Ключэль и Мио? .

— Те ребята были слишком отчаянными. Они решили, что эта поездка — отличный шанс признаться.

«Ого!» — удивлённо выдохнув, парень в плавках и ещё раз бросил взгляд на девушек. Он хорошо понимал причины, по которым многие нацелились именно на них.

Мио Лентир получила на тесте наилучший результат во всей параллели. Её даже называли гением. К тому же она выделялась своей очаровательной улыбкой и спокойным поведением. Эта девушка относилась ко всем одинаково и, тем самым, заслужила уважение как других учащихся, так и учителей.

С другой стороны Ключэль Софи Нэт обладала заботливым характером, незабываемым внешним видом и замечательными рефлексам. И хотя её успеваемость трудно было назвать хорошей, это лишь добавляло ей обаяния.

— И каковы результаты?

— «Извините, мы пока ещё к такому не готовы» или как-то так. Похоже, все отвергнутые ушли в дальнюю часть пляжа, чтобы залечить свои разбитые сердца. Лучше оставить их одних.

— Я следующий...

— Остановись. Ты толькополнишь число жертв.

Бросив на него равнодушный взгляд, Ома поправил солнечные очки.

— Итак: кто уронит следующий мяч завтра идёт на уроки в купальнике!

Со стороны девушек раздались радостные крики и смех, и только одинокий мальчик смертельно побледнел.

— Э... П-постойте! У меня плохое предчувствие!

— Вот поэтому и бегай быстрее, Нейти.

— А-а-а! Зачем так резко бросать?!

— Ого! Нейт так классно поймал этот мяч. Ладно, давай ещё раз.

— Э, п-почему?... Не надо... А-а-а!

— Тьфу. Ты уцелел два раза подряд, неплохо.

— Э-эм. Ты сейчас слишком уж недовольно щёлкнула языком...

— Ну ладно, в этот-то раз всё получится. Итак, Малыш, я вызываю к тебе в третий раз подряд.

— А-а-а! Ты что, целишься прямо в меня?!

— Ой, Нейти сбежал! В погоню!

— Они запретили парням играть с ними, но вот одному только Нейту разрешили. Ну почему так? — упавшим голосом пробормотал мальчик в плавках.

— Скорей не разрешили, а заставили.

Ещё до обеда парни решили все вместе пойти на пляж. Но когда они прибыли на место, Нейта там не оказалось.

Ома уже собирался было организовать поиски, но внезапно до него донёлся хриплый вопль. Затем он увидел, как несколько девушек уносили куда-то вдаль связанного по рукам и ногам мальчишку.

Хотя Ома несколько раз и пытался провести переговоры с похитительницами, девушкам, к сожалению, нужен был не выкуп, а сам мальчик.

— Ох, вот это и есть очарование тринадцатилетнего мальчика?

Ома уже слышал эти слова недавно.

— Жалкое зрелище, когда в тебе не видят мужчину.

— О-ома! Не стой в стороне, помоги мне!

Даже сейчас Нейт продолжал убегать от толпы гоняющихся за ним девушек.

— Нейт сейчас что-то сказал?

— Нет, я ничего не слышал. Наверно, показалось. Тут точно никто не звал на помощь.

Решительно покачав головой, Ома достал из сумки недочитанный журнал.

«Чёрт! Как же я ему завидую».

— Э-эх! А ученики сейчас, наверно, замечательно проводят время на пляже...

Вышагивая по песчаной дороге, Зессель пинал попадавшие под ноги камни и жаловался.

— Только этим они в последнее время и занимаются, — криво улыбнулась идущая рядом с ним Энн. — А вот Миррор сейчас застрял в информационном отделе. По сравнению с ним у нас всё всё очень даже неплохо.

— Не-а, он не любит бывать на море, потому что не умеет плавать.

— Он что, так до сих пор и не научился?

В голосе его коллеги чувствовалось слабое веселье.

«Сколько раз тот яйцеголовый говорил: «Согласно теории из книги по плаванию, я должен всплывать...» — и чуть не тонул в бассейне школы Эльфанда с глубиной всего метр двадцать?»

— Эй, а ты помнишь нашу выпускную поездку на море?

— Более-менее. Хотя это было уже очень давно.

Невольно рассмеявшись, Энн прикрыла ладонью рот. Её нынешняя улыбка не была мягкой улыбкой учительницы. Она позволяла себе так задорно смеяться только в кругу друзей детства: Зесселя и Миррора.

— Он настолько не ладит с водой, хоть и преподаёт синие песнопения.

Выпускная поездка длилась лишь пять дней. Миррор тогда остался единственным, кто так и не подошёл к морю.

— Ну а кое-кто даже в шестнадцать лет пользовался спасательным кругом.

— Я уже научилась плавать! Специально тренировалась!

— Правда? Но ведь ты же сложила спасательный круг в сумку и в этот раз. Видимо, тебе очень хочется поплавать, Энн Ревинезия.

— Как ты об этом узнал?..

«Глупышка. Я обманом заставил тебя это признать».

Зессель улыбнулся надувшейся подруге. Но внезапно их беззаботной беседе пришёл конец.

Песчаная дорога резко сменилась твёрдым покрытием.

— Ну что, нанесём им визит? — выдохнул Зессель скопившийся в лёгких воздух.

«Келберкский исследовательский институт. Фиделийское отделение».

Бросив короткий взгляд на название этого места, выбитое на громадном коричневом камне, Зессель с Энн вошли в открытые ворота.

«Они были открыты?»

На не слишком просторной территории института бурно росли только сорняки.

— Здесь кто-нибудь есть?

— Судя по тому что я вижу, снаружи никого нет.

— Ладно. Тогда, кто бы ни был внутри, просим простить за вторжение!

Зессель нажал на звонок рядом с центральной дверью. Внутри здания раздался механический звук. Его эхо докатилось и до стоявшей у входа пары людей.

— Как минимум, звук есть.

«Но почему нет ответа изнутри?»

Энн с Зесселем переглянулись. Словно поняв намерение коллеги, Энн молча кивнула.

Взяв на всякий случай в левую руку катализатор, Зессель открыл дверь исследовательского института. Издав ржавый скрип, она медленно отворилась.

— Здесь темно?

Хотя казалось, что внутри должен быть включен свет, все пространство дальше нескольких метров было закрыто занавесом темноты. Что-то явно было не так.

Сквозь открытую дверь внутрь начал проникать солнечный свет. Видеть понемногу становилось проще.

Наконец их глазам открылся вид вестибюля...

— ...! — безмолвно вскрикнула Энн.

Схватив падающую женщину за плечо, Зессель с трудом сумел сохранить спокойствие.

«Это какая-то шутка!»

«Статуи» — вот, что подумали они сначала. И правда, вестибюль украшали похожие на людей каменные фигуры.

Но при более пристальном рассмотрении, вопреки всяким сомнениям, становилось ясно, что это не просто скульптуры. Они были слишком реалистичными, и потому отталкивающими. Лица статуй выглядели так, словно они были чем-то напуганы. Казалось, что каменные фигуры в панике убегают от чего-то.

И Зессель, и Энн не раз читали о таком в сказках, но до этого дня ни капельки не верили в то, что подобный феномен возможен в реальности.

Перед ними стояли обращённые в камень сотрудники исследовательского института.

Часть 4

Накатывающиеся на берег волны шумели. Белый песок под ногами издавал тихий скрип при каждом шаге. Прогулка по песчаному пляжу и ощущения от морского ветерка были для него в новинку.

— О, ракушка.

Снаружи тёмно-фиолетовая, а внутри красная. Нейту попался двустворчатый моллюск с необычным оттенком.

— Может, подарить её Ключэль?

Море уже не было синим, как днём, горизонт окрасило сияние заката. Оставалось совсем немного времени до наступления ночи. Нейт ощущал себя ближе всего к солнцу именно на закате.

Неожиданно сквозь плеск волн послышался звук, как нечто острое рассекает воздух.

«Что?..»

Впереди, на казалось бы пустом пляже Нейт увидел человеческую фигуру. По мере того, как мальчик приближался, звук раздавался всё чаще. Кроме того, он ещё и набирал силу.

«Дежавю».

Вид девушки, размахивающей копьём под лучами заходящего солнца, наложился на тот, который Нейт видел несколько дней назад на крыше.

— Ада?

В первый раз, когда ему довелось увидеть это зрелище, он чувствовал лишь чистое восхищение. Во второй — Нейт наконец ощутил весь ужас, скрытый в её владении копьём.

В прошлый раз он был заморожен одной лишь величественностью её движений. В этот раз в красоте взмахов и выпадов он заметил невероятную отточенность, от которой по спине пробегал холодок.

Несмотря на затруднявшую перемещение поверхность пляжа, в движениях девушки не было ни малейшей заминки. Более того, её шаги и прыжки были абсолютно беззвучными — не было слышно даже скрипа песка.

Девушка плавно перетекала из одной стойки в другую. Она выглядела слишком спокойной, слишком умиротворённой.

«Клуб владения копьём? Это совершенно не уровень какого-то клуба. Что-то отличается. По сравнению с тем разом...»

Даже такой новичок как Нейт ясно видел разницу. На крыше движения девушки тоже были поразительными, но сейчас её искусство владения копьём было уже совсем на ином уровне. В какой-то степени это даже пугало.

Более того, хоть девушка и размахивала копьём всего одной рукой, однако не было и намёка на неловкость — она всё быстрее и быстрее кружилась в своём танце.

В тот день, на крыше она уронила копье.

Сейчас, держа его в одной руке, она закружилась, проворачивала им.

Десять раз. Двадцать. Тридцать.

Время шло, а копье не падало.

Внезапно девушка остановилась и тихо вздохнула. Она продемонстрировала невероятные движения на такой жаре, но её дыхание ничуть не сбилось.

— Это уже второй раз, не так ли, Малыш?..

Ада горько улыбнулась ему, как будто она была чем-то смущена или стыдилась чего-то.

— Э-эм. Ты снова тренируешься с копьем?

— Наполовину да, наполовину нет. Но я думаю, что это можно и так назвать.

На этом их разговор прервался. Хотя казалось, что следующую фразу должна была произнести девушка, она просто смотрела на копье у себя в руках каким-то расстроенным взглядом.

— Это было просто потрясающе, Ада.

— А? Потрясающе? Что ты имеешь в виду?

— Хотя ты так много веселилась сегодня вместе со всеми, ты всё равно устроила вечером эту тренировку.

Остальные их одноклассники сейчас отдыхали в своих комнатах, да и сам Нейт проснулся лишь недавно.

— Для меня это уже давно настолько же привычная вещь, как еда. Любой станет таким же, если будет заниматься десять с чем-то лет подряд.

«Десять с чем-то лет? Но она же вступила в клуб владения копьем только когда поступила в академию. А значит, ещё не прошло и полугода».

— Малыш, ты же хочешь стать певчим, чтобы закончить песнопение, оставленное тебе мамой, верно?

— Да. Я ещё не решил, стану ли певчим, но для начала хочу научиться исполнять мамины песнопения.

— Вот как... — крепко сжав копьё, девушка подняла взгляд к небу. — Может быть ты разозлишься, когда услышишь это, но я не могу поступить также. Не могу, потому уже сбежала.

Очень медленно, словно объясняя самой себе, Ада выдохнула:

— Та семья, в которой я родилась, особенная. Ты знаешь о гилшэ? Проще говоря, это те, кто занимаются изгнанием призванных существ.

— Прошу прощения, но я до сих пор не слышал о таком.

— Ну да, вполне естественно. Гилшэ не воплощают существ, а изгоняют их. Обыденность. Они же не могут устроить что-то настолько же яркое, как призыв огромного животного. Поэтому они и не столь известны, как певчие. А среди тех, кто знает о гилшэ, очень немногие хотят ими стать. Именно поэтому профессия гилшэ стала передаваться по наследству.

Предположим, что в некоем городе вышло из-под контроля песнопение. Если для усмирения буйствующего существа призвать ещё одно, то в результате их битвы ущерб городу будет ещё больше. Например для противостояния той гидре, что появилась во время состязания, можно было призвать ещё одну такую же, но тогда всё вокруг, скорее всего, обратилось бы в руины.

В таком случае, чтобы уменьшить ущерб, наилучшее решение — обратная песня. Но оказавшись поблизости певчим, например Мио, Ключель или кому-то ещё, слишком опасно приближаться к призванному существу, чтобы коснуться его рукой. А значит, необходимы профессионалы, владеющие навыками и знаниями для исполнения обратной песни, а также тренированным телом и духом, чтобы противостоять подобным призванным существам.

— Вот так и появились первые гилшэ. Разумеется, они и по сей день невероятны. Подобная работа требует закалять своё тело и рисковать жизнью. Им нельзя пропускать ни одного дня тренировок. Я думаю, они заслуживают уважения.

Ада тяжело вздохнула, опустила глаза и продолжила:

— И всё равно о них практически никому не известно. Даже специальных школ гилшэ, как у певчих, попросту нет. Они бесконечно тренируются в одиночестве, никому не попадаясь на глаза. Я слышала, что у слова «гилшэ» вроде бы есть какая-то особенная история происхождения, но отец не рассказал мне о ней. Я уже начала сомневаться, а не появилось ли оно из-за комплекса неполноценности по отношению к певчим?

На лице у девушки висела самоуничижительная улыбка. Не зная, как лучше ответить, Нейт

отвернулся:

— Твой отец тоже гилшэ?

— Да... Он глава основной семьи Юнг и, скорее всего, лучший в своём роде. Он объездил весь континент и познакомился со многими людьми. Однажды отец собрал всех своих знакомых в одном месте. Там был и господин Ксинс.

— Господин Ксинс тоже был?

Среди певчих существовало десять с чем-то больших групп, подразделяющихся по школам и личным связям.

Членство в таких организациях давало большие преимущества: предложения работы, самореклама, знакомство с известными людьми. Учителя академии Тремия тоже состояли в группе, связанной с руководством академии. Очень часто выпускники академии, становясь певчими, в первую очередь присоединялись к ней.

Однако, как слышал Нейт, Радужный певчий почему-то не вступил ни в одну из организаций. Естественно, к нему поступало много предложений, и если бы он изъявил желание, любая группа сразу приняла бы его на важный пост. Однако он до сих пор предпочитал действовать в одиночку, только в собственных интересах. Некоторое время назад его поведение привлекало много внимания и широко обсуждалось.

— Ну, он вроде бы присутствовал только как наблюдатель. Но он несколько раз заезжал к нам гости. Но почти всегда это случалось, когда я была в школе.

— Потрясающе.

— И не только господин Ксинс. У моего отца много очень странных знакомых, которые со стороны кажутся просто невероятными. То собрание скорее стоит называть сборищем.

Больше объяснений не требовалось. Отец Ады был просто невероятным. Это же замечательно. Любой нормальный человек подумал бы также.

Однако... Глаза рассказавшей об этом девушки почему-то дрожали. В них было заметно одиночество.

— Поскольку я родилась наследницей этого невероятного человека, я часто чувствовала себя во всём ограниченной. Одни и те же тренировки каждый день, предопределённый путь, известное заранее будущее. Пока другие дети весело играли друг с другом, я всегда была наедине с гилом.

На кончике копья сверкали пять драгоценных камней. Скорее всего, это были катализаторы, необходимые для изгнания призванных существ.

«Ада назвала это копьё «гил». А кстати, то копьё, которое я видел на крыше, было самым обычным, его не обрабатывали дополнительно».

— Ты заметил, да?

Уголки губ девушки немного поднялись, как будто она улыбалась сквозь слёзы.

— Поскольку я всегда тренировалась именно с гилом, моё тело привыкло к его длине и весу. А у клуба владения копьём свой стандарт оружия. Естественно, у его копий совершенно другой вес. Из-за этой разницы я чувствую себя очень непривычно... Поэтому я часто ошибаюсь, когда занимаюсь с копьём из клуба.

Нейт вспомнил, как Ада смотрела на копьё, когда уронила его во время тренировки на крыше. Сейчас ему стало немного понятнее, что скрывалось за её взглядом.

— Разве копья из клуба и этот гил отличаются настолько сильно?

— Нет, просто я слишком много тренировалась с гилом. Я знаю его вес с точностью до десятых долей грамма, а дальность удара — до десятых долей миллиметра. Поэтому насколько бы маленьким не было отличие, всё равно всё сразу идёт не так.

«десятая доля грамма и десятая доля миллиметра? Она говорит так, как будто это абсолютно естественно. Возможно ли такое вообще?»

Как минимум, сам Нейт не мог вспомнить даже длину ручки, которой он обычно пользовался, и не верил, что сможет правильно ответить наугад.

— Ада, неужели ты способна пользоваться несколькими цветами обратной песни?

Так же, как и песнопения, техника обратной песни делилась на пять цветов. А значит, людям, специализирующимся в изгнании призванных существ...

— Угу. У меня не слишком хорошая память, но вот обратные песни я запомнила для всех цветов.

Девушка имела в виду, что изучить обратную песню было проще, чем песнопения. Наверное, в академии нашлось бы несколько учителей, способных пользоваться несколькими цветами, но вот ученики — совсем другое дело.

«Но я ни разу не видел, чтобы она хвасталась этим, или даже своими ежедневными тренировками».

Ада была не из тех, кто способен на ложь. Но Нейт всё равно не мог сразу поверить ей. Её рассказ слишком сильно выходил за рамки привычного ему здравого смысла.

— Наверное, надо мной можно смеяться за то, что я сейчас скажу, но... вот оно было моим первым другом.

Девушка выпрямилась, обнимая инкрустированное драгоценными камнями копье.

— Нет, уже больше, чем друг. Оно уже почти как часть тела. Мы с ним всегда вместе. И вес, и длина — мы знаем друг о друге всё. Вот такие у нас отношения.

«Но всё это уже не важно...» — с её губ слетело сухое бормотание.

— Уже некоторое время я хочу попробовать другой путь, нежели тот, что предопределён для меня семьёй. По правде говоря, моя мама имеет квалификацию певчего, поэтому я уже давно интересовалась песнопениями.

— Вот как?..

— С тех пор как я поступила в академию, у меня появилось много друзей. Моя ситуация не такая, как у тебя, Малыш, но я действительно рада, что поступила сюда.

«Ей повезло найти много друзей, она вступила в клуб и от всей души наслаждается школьной жизнью — всё это заметно по её обычному поведению. Но... Я не понимаю...»

— Ада.

«Я не понимаю только одного, одной единственной вещи...»

— Но тогда зачем ты до сих пор носишь гил, почему тренируешься с ним даже сейчас?

«Действительно, почему?» — пробормотала девушка дрожащими губами, как будто разговаривая сама с собой.

— Я и сама не очень понимаю. Но, наверное, потому, что я больше не хочу ни о чём сожалеть.

«Сожалеть?»

— Да, я больше не хочу видеть тот сон.

«Тот сон? Сожалеть? Что это значит?»

Сколько бы Нейт не смотрел на лицо девушки, было видно только то, что в глубине её дрожащих глаз отражается какая-то далёкая сцена, в которой сокрыто нечто важное для неё.

Часть 5

— Даже складки на одежде сделаны настолько точно ...

Зессель подошёл почти вплотную к статуе, но не притронулся к ней.

Всего каменных фигур было десять. Ещё никогда ему не доводилось видеть изваяний, создававших даже впечатление складок на ткани. На самом деле одного только выражения ужаса на лицах статуй было достаточно, чтобы понять: это не просто скульптуры. Они были слишком реалистичными.

— Похоже, мы всё правильно поняли.

— Люди превратились в камень... Поверить не могу.

Словно пытаясь исчезнуть, коллега Зесселя отшатнулась назад. Сильно хлопнув её по плечу, он сделал шаг вперёд.

— Энн, не трогай статуи. Мы пока не знаем, как они превратились в камень, так что лучше перестраховаться.

— Я свяжусь с директором... — пробормотала учительница, как будто только что вспомнив о такой возможности.

— Только после того, как нам будет что докладывать.

«Именно. Мы ещё только в вестибюле. Нам пока неизвестно, что случилось внутри. Как минимум, необходимо определить возможную причину этой ситуации».

— Хорошо...

В темноте засиял белый свет.

— Пойдём.

В левой руке Энн находилась призванная песнопением белая сфера.

— Пожалуйста, свети немного вперёд и медленно продвигайся.

Хоть она и выглядела как неживой объект, на самом деле это была относящаяся к песнопениям третьего уровня фея-светлячок. Если она чувствовала опасность, то начинала моргать. Белые певчие любили пользоваться ей в миссиях по спасению.

Света хватало, чтобы видеть метров на десять вперёд. В пределах освещённой зоны других статуй не было. По крайней мере о них сейчас можно было не беспокоиться.

Но вместо этого...

«Что это за пепел?»

Рассматривая коридор, Зессель замедлил шаг.

На углу прохода лежала огромная гора пепла.

«Остатки от чего-то сгоревшего? Нет, в таком случае в институте явно были бы следы пожара».

— Не знаю что это, но думаю, лучше на него не наступать.

— Ты права... Э?

Внезапно Зессель что-то услышал. Он машинально повернулся на какой-то скребущий звук.

— Что случилось?

Идущая немного впереди Энн остановилась. Перед тем как ответить, Зессель проверил

коридор позади себя.

«Ничего нет... Мне просто показалось? Я слишком сильно нервничаю?»

— Нет, ничего.

Но как только он договорил, свет феи-светлячка неожиданно погас.

— Что?! — раздался голос Энн

И одновременно с ним всё вокруг снова погрузилось в темноту.

«Фея внезапно исчезла? Слишком рано. В институте и правда что-то есть. Нет, кто-то!»

Keinez [Песня Красного]

Из катализатора в правой руке Зессель призвал небольшое пламя.

Хотя яркость у огня была меньше, чем у феи, на несколько метров его хватило...

В тот миг Зессель не поверил своим глазам.

«Э-эй стойте... Что это такое?!»

Немного впереди Энн, по ближайшей к ней стене...

Сливаясь с серым покрытием, ползла огромная змея такого же серого цвета.

— Энн, ложись!

— Э?

Внезапный крик Зесселя имел противоположный эффект. Ошеломлённая Энн обернулась к нему. А значит, она повернулась спиной к загадочной змее. Та подняла голову.

— Энн!

Змея широко раскрыла рот и набросилась на молодую учительницу.

Времени на размышления не было. Зессель изо всех сил толкнул незащищённую коллегу к противоположной стене.

Он услышал, как нечто пронзило его плечо. Звук был слишком детальным и настолько внезапным, что Зессель даже не успел испугаться.

Но вот острая боль в укушенном змеей плече была реальна.

— Арх!

— Зессель!

У Зесселя не было времени ответить на крик Энн.

Он схватил впившуюся в левое плечо змею за голову и изо всех сил попытался оторвать её, но та впилась зубами слишком крепко.

— Вот...

Зессель схватился за призванный ради света огонь и ударил им прямо в голову змее.

Охваченная пламенем змея извивалась от боли. Зессель схватил её за шею и вырвал из плеча, затем со всей силы ударил ей об пол. Змея уползла. Она была ещё жива, но атаковать второй раз уже не могла.

Зессель повернул голову к плечу, чтобы осмотреть кровотечение...

— Ах вот в чём дело. Вот мы и узнали, что за всем этим стоит.

— Зессель... твоё плечо! — хрипло выкрикнула Энн.

Левое плечо Зесселя превратилось в пепельно-серый камень. Не было ни боли, ни какого-то дискомфорта. Но как бы Зессель не старался, он не мог пошевелить рукой ниже плеча, как если бы её вообще не было.

«Вот вам и причина тех статуй в вестибюле».

— Думать будем позже! Сначала выберемся отсюда! Этот институт опасен.

Они побежали обратно по коридору, но всего спустя несколько секунд замерли.

«Но ведь раньше здесь никого не было».

Коридор, по которому они недавно прошли, заполнили серые ящерицы. А по стенам ползали точно такие же змеи, как та, что атаковала их. Серые тела извивались вдоль всего коридора, словно окрашивая его. Их было по меньшей мере десяток.

Зессель вспомнил сваленную на углу гору пепла. Похоже, там они и прятались. Но даже в этом случае не было понятно, зачем так стараться перекрыть выход далеко продвинувшимся нарушителям.

Если бы целью было не дать кому-то попасть в институт, то не имело смысла прятать этих призванных существ. Достаточно было бы атаковать на входе.

«Такое чувство, что они предлагают нам зайти дальше в институт...»

— Понятно...

Зессель положил руку на плечо Энн.

— Зессель?

Дорога к выходу была перекрыта. У нарушителей оставался только один путь.

«Я уверен, тот гад, который подстроил эту злую шутку, хочет, чтобы мы шли дальше».

— Энн, убегаем вовнутрь!

Подтолкнув Энн в спину, Зессель побежал...

Дальше в глубины исследовательского института.